

ЗАГРАНИЧНЫЙ
ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА

I

Уличная сцена. - Я возроптал на современность, - Сигары. - Коечто из газет: силы клерикалов; отправка рабочих в Филадельфию. - Студенческий конгресс. - Письма Г. Мерже. - Г. Гамбетта. - Вообще довольно скверно, - Письмо Ж. Занд к Луи Ульбаху.

...Проходил я как-то на днях мимо одной из мэрий и от нечего делать остановился вместе с толпой других зевак посмотреть на свадьбу. Крыльцо мэрии было наполнено расфранченными мужчинами и дамами, с минуты на минуту ожидавшими приезда жениха и невесты. Угрюмое, казарменное здание и фигуры городских на углу и на крыльце как-то странно смотрели на эту расфранченную, сияющую предстоящим праздником публику; эти цветы на голове и букеты в руках как-то вовсе не шли к пыльной чиновничьей мулье, с темными коридорами, запыленным, грязным полом и запахом махорки капорала. Я десятки раз видал и прежде эту уличную сцену, но обыкновенно бывало както так: посмотришь и пойдешь; на этот же раз контраст между веселым смыслом сцены и жестким впечатлением чиновничьей мурии как-то очень сильно и неприятно подействовал на меня. А когда к толпе расфранченной родни, стоявшей на крыльце мэрии, подкатила новенькая, с иголочки каретка; когда из нее вышли жених и невеста, оба молодые, красивые, веселые; когда вся эта праздничная толпа, мешаясь с помшейскими и мешая запах цветов и духов с запахом махорки, направилась в глубину мрачной мурии, - так мне стало скверно, тоскливо, что я, сам уж не знаю как, возроптал на цивилизацию, возроптал на то, что она, поглотив такую массу умов, жизней, пролив такую гибель крови, не только не осуществила так называемых "золотых грез", - что уж! - но даже удобств человечеству не дала никаких, если не считать за большое одолжение, что через семь тысяч лет по созданию мира, наконец, ухитрилась провести в кухню к человечеству воду и на всем земном шаре вымостила асфальтом только парижские бульвары... Даже деликатного обращения с человечеством не выработала эта удивительная история удивительной цивилизации... Вот перед вами Ромео и Юлия, - положим, что жених и невеста, которых я видел в мэрии, точно любят друг друга так, как любили друг друга Ромео и Юлия; предположим, кроме этого, что читателю известны также в совершенстве те веронские ночи, которые проводили эти влюбленные, - поглядите теперь, что делает с ними эта цивилизация: после веронских ночей она, заприметив их страстную любовь, тащит их, с цветами в руках, в квартал, в часть!.. Ну, есть ли тут хоть капля приличия, деликатности? Какое же сравнение с этим плодом борьбы за благо человечества простой, милый, невинный "ракиновый куст" - свадебка вокруг ракинова куста?.. Где лучше впечатление: там, у куста, или тут, во французской, республиканской кутузке?.. Неужели из всей суммы этих боровшихся за счастье человечества умов и народов не могло выйти самого простого соображения, - что если ракиновый куст неудовлетворителен, то его надо заменить не кварталом, не кутузкой, а чем-нибудь поудобнее - каким-нибудь веселым храмом, а если уж храма много, то хоть сараем, что ли, просторным и чистым, хоть таким сараем, в каком здесь, в Париже, помещаются выставки экипажей и распродажи зонтиков... Нет! тащить в кутузку, в фартал... удивительно как деликатно и остроумно!..

Разогорченный этой аляповатой сценой (читатель, конечно, уж успел совершенно основательно объяснить себе причину такой чрезмерной раздражительности пишущего эти строки исключительно только скукой и бесцельным, а потому расстраивающим нервы скитанием по надоевшему Парижу), - разогорченный этой сценой, я уж не мог оторвать своей мысли от ропота на скудость результатов борьбы за человека, на ничтожность добытых этой борьбой плодов, и стало мне казаться, что человечество непременно должно же, наконец, заступиться за себя, обуздать эту цивилизацию, заставить ее держаться прилично и вообще образумить ее. На что это похоже: в Жомоне Французская республика отнимет у меня сто штук сигар, - отнимает и не